

НАШ МУДРЫЙ ДРУГ

КОГДА вы читаете Чехова, все глубже погружаясь в могучее подпольное течение его произведений, все глубже и глубже постигая его стиль, манеру письма, и начинаете слышать его интонацию как живое звучание голоса самого рассказчика, то к вам приходит ясное чувство, что с вами беседует ваш очень близкий друг. Редко какой писатель вызывает такую полноту личного человеческого общения с читателем, как Чехов. Он вместе с вами раздумывает над жизнью и людьми, он спрашивает и вашего совета: как быть, что делать для того, чтобы жизнь и люди стали лучше, человечнее? Интонация раздумья над жизнью вместе с читателем и есть интонация Чехова. Он вызывает в вас лучшее, что есть в ваших чувствах и мыслях, и вы знаете, что этот мудрый, суровый знаток человеческой души нежно любит вас и уважает в вас человека. Вы знаете, что он не простит вам пошлости, грубости, не простит фальши и лжи перед самим собой, безответственности в отношении к жизни и к людям, но всегда протянет руку для мужественной помощи, если вы вместе с ним хотите быть настоящим человеком.

Творчество Чехова бесконечно богато, многосторонне и широко. Блистательный, веселый юморист, чей тонкий, лукавый, милый смех звенит во всех странах, во всех краях, потому что всюду знают и любят нашего Чехова, и печальный повествователь душевно-тяжелой жизни великой страны под деспотической и трусливой властью Приибицевых, «человеков в футляре». Самый смех его окрашен печалью над несовершенством жизни и людей, и в самой его печали таится победоносный смех над нелепостью всего устройства современной ему действительности. По складу своего мышления он напуган ученою; он стремился к самой трезвой, неутомимой, хочется даже сказать, научной точности изображения жизни, но правда его повествования потому и была такой сильной, что сочеталась с удивительным по глубине и страстности субъективизмом, лирическим началом. Его раздумье зовет к изменению всей жизни. Все его творчество и было выражением необходимости коренного изменения действительности, предчувствием близости великой перемены.

Краски созданных им картин задумчивы и мягки, но приглядитесь внимательнее к ним, и вы увидите и строгость и непримиримость. Недаром лирик Чехов оказывался и беспощадным сатириком. Его музыкальный толос нежен и тверд, его оценки доброго и злого всегда ясны; сочетание нежности и суровости и составляет его удивительное по своеобразию поэтическое и человеческое обаяние. В его творчестве особенно прозрачно-ясно неразрывное единство художника и человека, особенно глубоко чувствуется, что обаяние его поэзии есть прежде всего обаяние его изумительной человеческой личности. Потому он и стал одним из самых человеческих писателей.

Всем известны слова доктора Астрова из пьесы «Дядя Ваня»: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Эти слова мы находим в записной книжке Зои Коомодельянской. Нет сомнения в том, что поколение Зои впитало в себя чеховские слова. Чехов участвовал в его воспитании.

Вся жизнь Чехова с юных лет была неустанным трудом над воспитанием в себе самого прекрасного человека. Конечно, в применении к самому себе эти слова показались бы Чехову, с его скромной и прощательной сдержанностью, смешными, громкими. Для себя, для своих близких у него была иная формулировка: он говорил о необходимости быть воспитанным человеком. И он с юных лет сознательно вырабатывал свой моральный кодекс воспитанного человека. Впрочем, со словом «кодекс» могут связаться представления о чем-то догматически размеренном, педагогически узком, стремящемся ограничить реальную сложность жизни «неумолимыми правилами» на все случаи, неподвижными нормами. Нет, при всей своей строгости человеческий кодекс Чехова был радостным, смеющимся над всеми и вселенскими «футлярами», открытым для жизни, для любви, для широкой жизни! Этот «кодекс» был ориентирован не на торжественно-самодовольное моральное подавление других с высоты своей безупречности, а на непримиримую внутреннюю моральную требовательность человека прежде всего к себе самому. Чехов осудил и высмеял бездушную, отвлеченную моральную требовательность в образе Лызова из пьесы «Иванов». У Лызова даже его положительные качества — честность и принципиальность — становятся отталкивающими из-за нежелания понять сложность жизни и человеческой души. Чехов был непримиримой требовательным, но человечески требовательным.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ либеральная критика создала миф о Чехове-примирителе, утешителе современного ему интеллигентного благодушным сопереживанием ко всем ее слабостям напополам старой няньки из «Дяди Вани», которая умиротворяет капризничавшего и тиранившего всех, самовольного профессора Серебрякова успокоительным «литовым чайком». Нет ничего более пошлого, чем эта легенда.

Конечно, Чехов в отличие от Горького не был буревестником революции, он был далек от каких бы то ни было прямых связей с революционным движением рабочего класса. В его творчестве немало грусти большого человека, любящего людей и тоскующего о том, что он не знает такой общей идеи, как говорит герой его «Скудной истории», которая могла бы указать пути к чистой, разумной, свободной жизни. Его критика слабостей современной ему интеллигенции в некоторой мере являлась и самокритикой. Но именно потому, что Чехов был всегда беспощаден к самому себе более, чем к кому бы то ни было, его критика слабостей, бездельности, мягкотелости, отвлеченности от реальной жизни, пассивной мечтатель-

ности большой части тогдашней интеллигенции и оказывалась суровой и нелицеприятной.

Неустанный труд над своим человеческим самовоспитанием, который одновременно был таким же строгим и непрерывным трудом над воспитанием себя как художника, — это одна из самых характерных черт всей жизни, всей личности Чехова. Когда вы раздумываете над его судьбой «приказчика» в таганрогской бакалейной лавочке своего отца, бывшего крепостного крестьянина с крутым, деспотическим нравом; затем — гимназиста-репетитора из обнищавшей мещанской семьи, бегавшего в пропавших башмаках по урокам; далее — студента-медики, зарабатывающего хлеб для пропитания огромной семьи каторжным трудом журнального чернорабочего, поставщика шуток, подписей к карикатурам, маленьких рассказов для мещанских юмористических журнальчиков реакционной эпохи 80-х годов с полным подавлением какой бы то ни было независимости печати; когда вы раздумываете над жизненным путем выхода из дикой рабской среды, ставшего великим мировым писателем, то одна черта прежде всего поражает вас в этой судьбе: тяжесть препятствий, враждебных развитию таланта. Нужны были постоянная, сосредоточенная внутренняя сила, неослабевавшая воля к повседневной борьбе за свое человеческое и писательское достоинство, за возможность, вопреки всему, свободного творчества.

В той среде, где он родился, вырос, все было основано на преклонении перед деньгами, перед всеми, кто посылнее, все было проникнуто пережитками крепостничества, духом рабства. «Деспотизм и ложь искоренили наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать», — писал он в письме к своему старшему брату Александру. «Деспотизм преступен трижды...»

С ЮНЫХ ЛЕТ Чехов противопоставил действительности, стремившейся сделать из него раба, свое презрение к любым проявлениям деспотизма и лжи, свое стремление к свободе: это стало пафосом его творчества. В одном из своих писем (январь 1889) Чехов рассказал о трудном пути самовоспитания, пройденном им. Касаюсь вопроса о том, какие качества ему еще необходимо вырабатывать в себе, как в писателе, Чехов говорит: «Нужна возмужалость — это раз; во-вторых, необходимо чувство личной свободы (подчеркнуто Чеховым. — В. Е.). А это чувство стало разгораться во мне только недавно. Раньше его у меня не было, его заменял с успехом мой легкомыслие, небрежность и неуважение к делу... Написанье-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, ценовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благонамеренный за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без капош, хранивший, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и бог и людям без всякой надобности, и только из сознания своего ничтожества — напишите, как этот молодой человек выдвигался из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...»

Чехов в этом письме, как и обычно, судит себя слишком сурово, и мы должны внести в этот его суд над собой некоторые реальные поправки. Чувство личной свободы и неразрывно связанная с ним борьба за человеческое достоинство начались «разгораться» в Чехове задолго до того момента в его духовном развитии, который выразился в процитированном письме. В самом деле, еще за десять лет до этого письма девятнадцатилетний Антоша Чехов писал в письме к своему четвертьнадесятилетнему брату Михаилу (апрель 1879) из Таганрога в Москву, куда перебрался после краха отцовской «лавочки» семья Чеховых (Антоша оставался один в Таганроге для окончания гимназии и посылал в Москву деньги от своих уроков и распродажи скудной домашней обстановки):

«Дорогой брат Миша!..

...Почерк у тебя хорош, и во всем письме я не нашел у тебя ни единой грамматической ошибки. Не нравится мне одно: зачем ты величаешь особу свою «ничтожным и незаметным братишкой». Ничтожество свое сознаешь? Не всем, брат, Миша быть одинаковыми... Среди людей нужно сознать свое достоинство. Ведь ты не мещанин, честный человек? Ну, и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожество. Не смешивай «смиряться» с «сознавать свое ничтожество».

Не забудем, что эти строки писал юноша, много раз битый и сеченный, воспитывавшийся в подострастии и покровности.

Какое зрелое понимание человеческого достоинства успел выработать в себе этот юноша! Мы видим, что тот процесс выдвигания из себя по каплям раба, о котором Чехов напишет в письме 1889 года, начался очень рано. И уже в девятнадцатилетнем Чехове выступает в качестве воспитателя, стремящегося к тому, чтобы борьба за освобождение от рабских черт началась и в душе его младшего брата. И уже в этом юношеском письме, в призыве к достоинству, в словах: «уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожество», — слышится интонация зрелого Чехова, который всем своим творчеством будет утверждать в раздвоенных, обыкновенных людях сознание того, что честный человек — не ничтожество, что ничтожество там, где обманывают, где презирают труд, — как скажет

мудрый старик Костыль из повести «В овраге»: «...я и думаю: кто же старший? Купец первой гильдии или плотник?.. Кто трудится, кто терпит, тот и старший». Каких усилий стоила Чехову выработка в себе «воспитанного человека», можно судить, в частности, по одному признанию, сделанному им в письме к его жене О. Л. Книппер-Чеховой: «Ты пишешь, что завидую моему характеру. Должен сказать тебе, что от природы характер у меня резкий, я вспыльчив и проч. и проч. Но я привык сдерживать себя, ибо распускать себя порядочному человеку не подобает. В прежние время я выслушал черт знает что. Ведь у меня дедушка по убеждениям был ярым крепостник».

Это признание всегда будет казаться неожиданным. Так прочно утвердился во всеобщем представлении образ поразительно деликатного, мягкого, беспредельно чуткого, скромного «доктора Чехова», что кажется невероятным представить его резким, вспыльчивым, «выделяющимся черт знает что». А он слов на ветер не бросает: если сказал, что бывал таким, то мы обязаны ему верить, тем более, что резкость, вспыльчивость — ведь это были фамильные черты Чеховых: и деду, и отца, и братьев Антона Павловича. Возможно, конечно, что со своей строгостью к себе он и здесь судил себя слишком сурово. В «подтексте» приведенных строк из письма к жене чувствуется и стремление помочь близкому человеку в преодолении недостатков. Но одно несомненно: характер Чехова был выработан им в упорном труде, в борьбе с самым опасным противником любого человека — с самим собой, начавшейся еще в ранние годы. Это помогло ему вести великую борьбу всем своим творчеством против всего, унижавшего достоинство человека, против рабства и деспотизма в тогдашней действительности.

В первое десятилетие своего творческого пути Чехов был далек от революционных выводов из той правды жизни, которую он отражал в своих произведениях, — в дальнейшем он стал приближаться к этим выводам. Но все же и в восьмидесятые годы он не мог не понимать, что делает нечто новое в литературе и в художественном и в непосредственно идейном отношении. Он понимал, что представляет в свою эпоху разноречивую, демократическую литературу, противостоящую той дворянской и буржуазно-либеральной литературе, которая звала к примирению с подлой действительностью. Трудным было дело демократической литературы в восьмидесятых годах — в эпоху идейного разброда среди интеллигенции после разгрома народолюбцев и страшного крепостнического, полицейского гнета над всей жизнью страны. Многие мучались, уставали, надламывались, погибали. Чехов глубоко сознавал трудность положения выхода из социальных низов, поднявшегося к высотам творчества. В связи с присуждением ему Пушкинской премии он пишет в одном из писем:

«...Я «счастлив» бальовень безродный, в литературе я Потемкин, выскочивший из недр «Развлечений» и «Волны» (названия юмористических журнальчиков. — В. Е.), я мещанин во дворянстве, а такие люди нелегко выдерживают, как не выдерживает струна, которую торопят натянуть». За шутливым тоном прозвучало здесь и трагическое предчувствие недолгой жизни. Слишком тяжелой была груз, который Чехов нес на своих плечах, продолжая и развивая традиции свободной русской литературы в пору зверской реакции и беззастенчивой части интеллигенции, когда умерли свои идеалы и еще не созрели новые. Народничество выродилось в мещанский либерализм. Марксизм созрел, готовясь к предстоящим боям и победам.

Чехов остро чувствовал, что от выходящих из низов, окруженных со всех сторон врагами, злободствующим при каждой неудаче «схуживших» детей, требовалась особая ответственность, им нужно было всегда быть начеку, вести непрерывную борьбу за правду творческий труд. Герой повести «Три года» высказывает постоянные мысли Чехова о положении разноречивых в действительности: «И никак не могу приспособиться к жизни, стать ее господином... Все это... объясняю я тем, что я раб, инук крепостного. Прежде чем мы, чуждые, выйдем на настоящую дорогу, моего нашего брата ляжет костыль!» Чехов звал всех близких ему людей к настоящей ответственности. В этом смысле глубоко содержательная и трагичная история его борьбы за таланты его старших братьев — Александра и Николая. Из первого, по словам Антона Павловича, мог выйти «большущий» писатель; Николай был высокоодаренным живописцем, блистание начинавшим свой путь художника. Борьба Чехова за то, чтобы его братья овладели своими талантами, была для него не только вопросом братской любви. Нет, тут была и гордость разноречива, желавшего, чтобы побольше нашего брата было на аванпостах русской культуры!

Но Александр и Николай губили себя, оба они спускались все ниже под откос. Чехов понимал их протест против всего мещанского, «таганрогского», деспотического. Им казалось, что они бунтари, протестующие против подавления их свобод. Но Чехов со своей беспомощной правдой обаял перед ними их слабость, свидетельствующие как раз об обратном: о том, что братья очень далеки от преодоления тех самых рабских устоев, от которых они так размышляли, что беспорядочно хотели оттолкнуться. Чехов показывал им, что богема, представлявшая им свободу от мещанства, есть лишь мещанство навыворот и что они остаются рабами — в частности, рабами своих стра-

стей, рабами водки: и Александр и Николай становились алкоголиками, будущи добрыми, мягкими, беззащитными и безвольными людьми. Оба они так и не развернули своих талантов, богато отпущенных им природой. Александр на всю жизнь остался лишь мелким журналистом, Николай стореял рано, совсем молодым.

В братьях своих Антон Павлович стремился прежде всего воспитать те свойства, которыми должен обладать, употребляя его любимое выражение, всякий воспитанный человек. Тот же, кто наделен талантом, не несет повышенной ответственности — он должен быть безупречно воспитанным. В письме к Николаю (1886) Чехов довольно подробно раскрыл свой кодекс воспитанности.

«Ты часто жаловался мне, что тебя «не понимают!» — писал он Николаю. — ...Уверю тебя, что, как брат и близкий к тебе человек, я тебя понимаю и от всей души тебе сочувствую... Все твои хорошие качества я знаю, как свои пять пальцев, ценю их и отношусь к ним с самым глубоким уважением. И, если хочешь, в доказательство того, что понимаю тебя, могу даже перечислить эти качества. По-моему, ты добр до триничности, великодушен, не эгоист, поделишься последней копеечкой, искренен; ты чулки зависти и ненависти, простодушен, жалеешь людей и животных, не ехиден, не злопаметен, доверчив... Ты одарен свыше тем, чего нет у других: у тебя талант».

ВСЕ ЭТО — великодушнейшие качества, но в глазах Чехова они теряют свое значение, если не связываются с воспитанностью.

«Недостаток же у тебя только один. В нем и твоя ложная почва, и твое горе, и твой катар кишек. Это — твоя крайняя невоспитанность. Извини пожалуйста, но veritas magis amicitiae».

Воспитанные люди, пишет Чехов, «уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, услужливы... Они... намекает Антон Павлович на поведение Николая, — не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки, живут с кем-нибудь, они не делают из этого оскорждение, а уходя не говорят: с вами жить нельзя! Они прощают и шум, и холод... и остроты, и присутствие в их жилище посторонних... Они сострадаютны не в одном только ниним и кошках. Они болезнет душой и от того, чего не увидишь простым глазом... Они чистосердечны и боится лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опомляет в его глазах говорящего. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии. Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают. Они не унижают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтобы в ответ им вздыхали и нылились с ними... Они не суетны. Их не занимают такие бальшанные бриллианты, как знакомство с знаменитостями...

...Делая на гроб, они не поселят со своей палкой (подразумеваются художническая палка Николая. — В. Е.) на это рублей и не хвалятся тем, что их пугали тула, куда других не устали... Истинные таланты всегда сидят в потемках, в толпе, подальше от выставок... Даже Крылов сказал, что пустую бочку слышнее, чем полную... Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для

* Истина важнее дружбы (лат.).

вый садовод Песочный и его дочь Таня из рассказа «Черный монах». Сыроев из рассказа «Учитель». П героиня его «Чайки» Нина Заречная была дорога ему прежде всего тем, что, преодолев свои несчастья, тяжелые препятствия, которые нагромодила перед нем жизнь при самых первых шагах ее пути, она, хрупкая, одинокая, неопытная юная женщина, пришла к победе своей творческой воли.

Любимые герои Чехова далеки от легких представлений о жизни. «Груба жизнь!» — говорит Нина в финале пьесы. Но Нина знает и другое: что жизнь прекрасна, когда в ней побеждает воля к свету, свободе, красоте. Мечта о свободном творческом труде и определяет обаяние чеховских героев и героинь. В день своих именин Нина из пьесы «Три сестры» говорит: «Когда я сегодня проснулась, встала и умылась, то мне вдруг стало казаться, что для меня все ясно на этой свете, и я знаю, как надо жить. Милый Иван Романович, я знаю все. Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторг. Как хорошо быть рабочим, который встает чуть свет и бьет на улице камнями, или пастухом, или учителем, который учит детей, или машинистом на железной дороге...» И в этом же, первом акте пьесы Тузенбах говорит ей: «У меня страстная жажда жизни, борьбы, труда, и эта жажда в душе слилась с любовью к вам, Ирина, и, как нарочно, вы прекрасны, и жизнь мне кажется такой прекрасной!»

Невольно вспоминается великолепное стихотворение В. Брюсова, которое недавно напомнил всем Никита Сергеевич Хрущев, поставив его в связь с нашей кипучей действительностью.

Великая радость — работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого счета,
Работай без лишнего счета,
Все счастье земли — за трудом!

В уста Тузенбаха Чехов вложил самые дорогие свои мысли, по-особенному прозвучавшие в период общественного подъема в преддверии первой русской революции: «Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро слух с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилая скука. И буду работать, а через какие-нибудь двадцать пять — тридцать лет работать будет уже каждый человек. Каждый!»

Самый скромный труд может быть творческим и нетворческим, свободным и несвободным. Настоящие герои Чехова мечтают именно о свободном творческом труде во имя счастья всех и каждого, а не о труде формальном, равнодушном, служебистском, — в противном случае пришлось бы и таких людей, как учитель Кулыгин из «Трех сестер», службист, обезличенный до предела формалисткой, признать истинными чеховскими героями. Ведь и Кулыгин тоже трудится и даже гордится: «Я работаю, хожу в гимназию, поучил уроки даю... Я честный человек. Простой...» Omnia mea meum porto *, как говорится.

Герой Чехова хочет быть не службистом, не рабом, а творцом жизни, творцом будущего, как мечтает Астров. Трагедия чеховского героя и заключалась в том, что действительность не давала ему возможности такого труда. И Астров, которого поднимет и вдохновляет мысль о том, что в будущем люди будут счастливы отчасти и благодаря его труду, Астров, для которого выращивание лесов есть создание красоты на родной земле, свободная переключаясь с прекрасным будущим, вдруг чувствует себя «чужаком», беспомощным мечтателем: действительность, окружающая его, враждебна его труду, его творчеству; разрушаются леса, становится бесплодной земля, хищничество и равнодушие царят над всем, и красота земли пропадает понапрасну, так же как и красота людей. Так гаснет и мечта Ирины о радости труда: «Она говорит о своей работе: «Что я так хотела, о чем мечтала, того-то в ней именно и нет. Труд без поэзии, без мысли...»

ЧЕХОВ МЕЧТАЛ о таком времени, когда вся жизнь станет волшебным садом и люди будут свободными созидаателями красоты. Он мечтал о будущем, когда не останется на родной земле серых, провинциальных городов, «все полетит вверх дном, все изменится, точно по волшебству. И будут тогда здесь громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди». Так говорит герой последнего, предсмертного и самого оптимистического из чеховских рассказов, носящего это название «Невеста». Героиня этого рассказа приезжает на несколько дней в свой родной провинциальный город, который она покинула для того, чтобы окунуться в настоящую жизнь. Чехов намекает на то, что она ушла в революцию. Она «хотела по саду, по улице, глядела на дома, на серые заборы, и ей казалось, что в городе все давно уже состарилось, отжило, и все только ждет не то конца, не то начала чего-то молодого, свежего. О, если бы скорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, созидать себя правым, быть веселым, свободным! А такая жизнь рано или поздно наступит... и вперед ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, в эту жизнь, еще неясная, полная тайн, увлекала и манила ее».

Чехов чувствовал, что все только ждет начала новой жизни.

Эту жизнь принесла с собой Великая Октябрьская социалистическая революция, партия Ленина. И нам радостно праздновать светлый день рождения нашего мудрого друга, великого труженика, гордость и славу русской и мировой литературы — Антона Павловича Чехова.

В. ЕРМИЛОВ.

* Все мое нощу с собою (лат.).

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

29 января 1960 г.

3 стр.

* В здоровом теле — здоровый дух (лат.).